

ПОЛЕМИКА

Публикация в нашем журнале серии статей по фундаментальным проблемам марксистской теории вызвала оживленную критику со стороны известнейших российских философов. Ниже мы публикуем жестко-критические заметки профессоров В.Ж. Келле (он полемизирует с проф. Л.К. Науменко), В.М. Межуева (критика позиции А.В. Бузгалина) и В.Г. Арсланова (полемика по фундаментальным вопросам материализма в связи с наследием Э.В. Ильенкова).

ЧТО ЖЕ СКАЗАТЬ В ОТВЕТ?

Келле Владислав Жаннович – д.философ.н., профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Третий номер «Альтернатив» за 2008 год преподнес мне сюрприз в виде иностранной статьи Льва Науменко, героем которой явился я со своими писаниями. Конечно, весьма желательны критические отклики на мои публикации последнего времени. Если кого-то они заинтересуют, то критика неизбежна. И она важна. В отличие от Л. Науменко, я вовсе не претендую на окончательную истину. Но в его статье речь идет не просто о критическом рассмотрении идей, которые представлены на суд читающей публики, а об их полном теоретическом разгроме. Оставить без ответа прозвучавшие в ней совершенно нелепые обвинения уже невозможно. Приходится тратить дорогое время, чтобы защитить свое право думать и писать так, как я считаю нужным. И сам стиль статьи напомнил мне давние времена.

Итак, в чем существо моих прегрешений по мнению Л. Науменко?

Читаем на с. 20: «Неистребимая страсть все различать, рассекать, разделять, разграничивать и делать из полученных таким способом препаратов «явления разной природы...». Значит, имеется некое цельное «тело», произвольно рассекая которое, некий субъект превращает в препарат, т.е. нечто мертвое /1/. «Вот и В.Ж. Келле различил, разграничил и разделил культуру на интеллектуальную и духовную, получив «явления разной природы», прописал в первой истины, во второй ценности, соотнес с первой гносеологию, со второй – аксиологию. А затем в типично либеральной манере стал убеждать, что надо де учитывать как первое, так и второе...». /2/.

Эти два пункта, действительно, имеют для меня принципиальное значение. Против них направлено острие критики в статье Л. Науменко. Все остальное – уже следствие их применения. Ниже мы к ним вернемся. А пока еще один момент. Л. Науменко представляет мои нынешние публикации как продукт прозрения бывшего марксиста

та. Суть прозрения в том, что идеология и другие формы духовной культуры выводятся за рамки отражения и марксизм критикуется с этих позиций. А вот в «эпоху исторического материализма» я сеял разумное и доброе с марксистских позиций (см. с. 5, 6).

Но я должен его разочаровать. Чтобы не быть голословным приведу еще пару цитат, которые сразу вводят в курс дела: «В развитии общественного сознания необходимо выделять две взаимно связанные друг с другом тенденции: во-первых, познавательный процесс, обусловленный интересами реальной жизненной практики общественного человека, накопление объективных знаний о природе и обществе; во-вторых, идеологический процесс, обусловленный в антагонистических формациях интересами действовавших в истории классов, возникновение, развитие и смена идеологий различных классов.

В реальной жизни эти две тенденции тесно переплетаются и иногда совпадают друг с другом, и отделить их можно только путем теоретического анализа, в абстракции. Но смешивать и отождествлять эти тенденции нельзя, ибо общественное сознание не сводится ни к познанию, ни к идеологии».

И далее. «Идеологии в эксплуататорском обществе нельзя отождествлять с развитием познания, а идеологические извращения просто как заблуждения в поисках истины». Основой идеологии являются классовые интересы, а «непосредственной задачей – духовное выражение, обоснование и оправдание этих интересов, а вовсе не познание истины»

Слова эти сказаны не сегодня. Цитаты взяты из книги В. Келле и М. Ковальзона «Формы общественного сознания», изданной в Москве Госполитиздатом в 1959 г. тиражом 30 000 экземпляров.

Так что, подвергаются критике идеи нашей с Ковальзоном старой монографии, а не моей статьи в «Альтернативах». О каком же «прозрении» может идти речь, если уже **50 лет тому назад** в печати была выражена нами эта теоретическая позиция. Надеюсь, не трудно понять, как я могу после этого относиться к критическим художествам Л. Науменко. Получается, что прозрел не я, а он. Обнаружил в моем лице отступника и бросился на защиту марксизма, проявив при этом литературные способности и склонность к высокопарным сентенциям. Каюсь, но не могу похвастаться, что читал все его работы. Но я и не берусь оценивать его литературную деятельность.

Кстати, после выхода в свет нашей книги, в «Вопросах философии» появилась коллективная рецензия на книгу, где мы обвинялись как раз в том, что выводим идеологию за пределы ленинской теории отражения. Но сделана она была в более спокойном тоне, чем статья и Л. Науменко, повторяющая то же обвинение. У меня нет под руками этой рецензии, но ее нетрудно найти. Тогда мы считали, что следует различать гносеологический и социологический (функциональный) походы к анализу

общественного сознания. Сейчас я вижу, что вопрос гораздо глубже. Так что, мои взгляды на самом деле не остаются неизменными.

И еще пару слов о личном. Л. Науменко не первый борец за чистоту марксизма с позиций Истины, с которым меня сталкивала жизнь. Я никогда не был послушником от марксизма. Видимо, поэтому и раньше находился под прицелом «борцов за чистоту». Меня неоднократно разоблачали и клеймили за всевозможные нарушения и отступления. Но в партии оставили. Науменко же, строго следуя принципу партийности философии, пошел дальше, присвоив себе право «отлучать от...». Идеиная палитра статьи, в основном, черно-белая, а художественная – многоцветная. В ней есть и эмоции, и декламация, и пафос, и намеки, и многозначительные умолчания, и призывы, и «ужастики», и яркие образы. Вся статья проникнута стремлением превратить научную полемику в идеологическое шоу. Спорить же в общем-то не о чем, все и так ясно, а пригвоздить надо.

Между прочим, статья Науменко – яркий и убедительный пример различия между наукой и идеологией, даже научной.

Научная дискуссия – неотъемлемая часть жизни науки. Ее цель – приближение к истине. Признает она лишь доказательства и опровержения. Но не исключает эмоции, и даже страсти. Ценностные ориентации ученых влияют в большей или меньшей степени на их подход к действительности, на интерпретацию фактических данных, на решение проблем, но не меняют основной установки познания на овладение истиной.

В столкновении идеологий также используются аргументы в виде доказательств и опровержений. Но кроме этого есть еще нечто, выходящее за пределы чисто познавательных категорий - приверженность данной идеологии, верность ее принципам и установкам, ее внутренняя связь с интересами определенной общественной группы, с социальными условиями ее возникновения. Отсюда и боевой стиль, и нетерпимость, и клятвы в верности, и «отлучение от...».

С моими работами Л. Науменко поступает не как ученый, а как идеолог. Он не только опровергает мои взгляды, но и ищет их корни, сперва психологические, рисуя образ этакого примитивно мыслящего субъекта. Но на этом рубеже не удерживается, переступает грань, обращаясь к старому испытанному методу навешивания ярлыков. Если разграничение интеллектуальной и духовной культуры вызывает у него лишь раздражение, то установление их связи называет (скорее, обзывает) уже либерализмом.

Вести разговор в этом ключе я не собираюсь. Это не значит, что тем самым подставляю под удар другую щеку. Просто, подобный тон мне претит. Кроме того, «сильные слова» нередко затемняют существо дела.

Хотя «Альтернативы» не только общественно-политический, но и теоретический журнал, я должен считаться с тем, что большинству его читателей вряд ли интересно вникать в нюансы философских расхождений.

Кроме того, ответ на все обвинения занял бы слишком много места.

Поэтому попытаюсь в самых общих чертах определить, в чем я вижу сегодня теоретический смысл критикуемой темы, связанной, на мой взгляд, с реальной жизнью культуры и общества, и имеющей методологическое значение для истории философии, философии культуры. Не собираюсь никого убеждать или переубеждать. Читатель пусть сам делает выводы.

Пункт /1/. Л. Науменко изображает проводимые мною различия как результат «страсти», произвольного навязывания объекту омертвляющих его разделений. На самом деле у меня речь идет о выявлении различий *имеющихся в самом объекте*. Таким образом, он выворачивает проблему наизнанку. Пусть это будет на его совести.

Зачем же мне нужно выискивать эти различия? Для определения «специфической логики специфического предмета». Диалектика придает этому большое значение. Диалектику Л. Науменко, видимо, это известно. И, вообще, познание начинается с различия. Вот, магия, напротив, ищет сходства. Полушария головного мозга и ядро грецкого ореха похожи. Значит, орех может лечить головную боль. Такого рода «сходств» в магии не счесть.

Аргумент, что разделение всегда нарушает целостность, просто смешотворный. Анализ разделяет, синтез объединяет. На том строится познание. Л. Науменко создает проблему буквально на пустом месте.

Предположим, я объявляю, что разграничение эмпирического и теоретического познания разрывает и омертвляет единое тело познавательного процесса, а его надо рассматривать как целое. Анекдот!

И филиппики Л. Науменко против различий и разделений подобны этому анекдоту. Разделение происходит не в реальности, а в абстракции, в процессе познания именно для того, чтобы выявить сущность и внутренние взаимосвязи познаваемого объекта. Разграничения могут быть ошибочными, неправомерными, но это уже другой вопрос.

Я считаю, что Л. Науменко сознательно или непроизвольно совершил подмену выявления объективных различий их субъективным привнесением в предмет познания. И на этом ложном основании строится вся его критика. Поэтому она бьет мимо цели и совершенно неприемлема.

Пункт /2/. Разграничение интеллектуальной и духовной ветвей (или аспектов) культуры – это центральный пункт «размышлений бывшего марксиста». Оно не мной выдуманно. Их уловил и выразил язык, и оно проходит через всю историю философии. Миф и логос в античности, вера и знание в средние века, наука и религия в эпо-

ху Просвещения. знание и ценности в XIX и XX веках. Эти различия реально существуют. И все они идут по одной линии: знание и его проявления, с одной стороны, и формы сознания, скажем так, - с преобладанием субъектного начала – с другой.

Возникает вопрос, а есть ли понятия, выражающие данное различие не в его конкретных проявлениях, а в обобщенной форме. Я считаю, что это понятия *интеллектуальной и духовной ветвей культуры*. Слово «ветвей» включалось как раз для того, чтобы сохранить «единое тело» культуры.

К этому выводу меня подтолкнули события в отечественной философии, относящиеся к 60-70-м гг. прошлого века: появившиеся в печати различные трактовки понятия «духовное производство», дискуссии по проблеме ценностей, признанию или отрицанию возможности разработки в рамках марксизма аксиологии, изменение отношения к философии Канта, включая его этику.

В 60-е гг. в «Вопросах философии» были опубликованы отрывки из рукописи Б. Шенкмана, посвященные анализу понятия «духовное производство». К. Маркс использует это понятие. Суть проблемы в том, насколько широко его толковать. Следует ли трактовать духовное производство как производство всех форм сознания, в том числе и науки, или оно «производит» только идеологию господствующего класса, а наука выходит за его пределы. Первая трактовка была более распространена. Еще в середине 70-х я сам писал о науке как форме духовного производства. Но потом в этом засомневался. И это было одним из поводов заняться проблемой специфики духовной сферы. Я тогда увидел, что проведенное нами в книге 1959 г. различие познавательного и идеологического процесса – лишь вступление к огромной теме соотношения знания и ценностей, и дальше с выходом на теорию культуры.

Эмоциональный накал статьи Науменко достигает высшей точки, когда он пишет, что без включения знаний моральное сознание теряет свои качества, делает неразличимым мораль людоеда и христианина, исчезает нравственный прогресс и т.д. В общем, если подсыпать немного знаний в моральное сознание, все будет в порядке. Так ли это? Знание морали и сама мораль, это одно и то же? Прежде всего, надо ответить на вопрос: чем мораль и знание различаются по своей природе, выяснить их специфику, а затем исследовать формы их взаимодействия, взаимовлияния. Л. Науменко не принимает слово «природа» в этом контексте и ставит его в ироничные кавычки. А я полагаю, что именно в этом суть дела. Постараюсь разъяснить.

Процесс образования есть единство обучения и воспитания. Обучение – овладение знаниями. Чтобы знать таблицу умножения, надо ее просто выучить. Воспитание – процесс формирования нравственного облика, мировоззрения и других качеств личности. Здесь действуют другие закономерности. Можно выучить 10 заповедей и быть безнравственным человеком. В этой связи мне вспомнился один реальный случай. Еще в мои аспирантские годы у нас на кафедре философии (кафедр этики тогда еще не существовало) одна аспирантка писала диссертацию о морали. Когда

работа шла к завершению, ее научный руководитель обнаружил у нее плагиат. С позором она покинула аспирантуру. Она, конечно, знала, что плагиат, это плохо. Какому-то уголовнику наплевать на общепринятую мораль. Но в диссертации о морали допускать плагиат – это верх бесстыдства!

Для формирования нравственных качеств знания нравственных норм недостаточно. Это очевидно. Нужно что-то еще, как раз относящееся к природе морали. То же самое можно сказать о религии. Знание вероучения не делает человека религиозным. Нужна вера.

Определение специфики обучения и воспитания позволяет грамотно построить их взаимоотношение, взаимосвязь, сделать так, чтобы они работали друг на друга. Чтобы стать хорошим специалистом в избранной области, стать профессионалом, владеть знаниями и навыками – нужен огромный труд, а значит и соответствующие нравственные качества. При правильной постановке вопроса, взаимосвязь обучения и воспитания становится естественной, а не навязывается образовательному процессу. И теоретик ничем не поможет, если будет распространяться о неразрывной связи морали и знания, о целостности этого процесса и т.п., но не раскроет механизма взаимосвязи или, по крайней мере, не укажет путь к его познанию. Это относится и к взаимоотношению морали и знания в целом.

После того, как выяснена специфика морали в отличие от науки, определена их природа, можно продуктивно анализировать и адекватно оценивать связь знания, науки и моральных ценностей и норм. Такова методологическая установка. Различение создает базу для установления связей и сходств. Ничего от «либерализма» здесь нет. Конечно, в реальном познавательном процессе не все так однозначно и схематично

Маркс и Энгельс никогда не стирали грань между знанием, наукой и моралью. Они отвергли этическое обоснование социализма в пользу его научного обоснования. Они признавали изменчивость моральных норм и, отвергали моральный релятивизм. Нравственный прогресс они отличали от прогресса познания. Истинна мораль того класса, который имеет будущее. Очевидно, что в данном контексте понятие истины отличается от истины как соответствия знания и реальности.

Наконец, хочу заметить, что отношение к этике Канта в нашей философии менялось. Из чисто критического оно превращалось в аналитическое. В его теории морали стали находить не только формализм, ригоризм, идеализм, но и глубокую постановку фундаментальных проблем. Я считаю, что к числу таких проблем относится его разделение морали и знания, и идея первенства практического разума.

Изменилось и отношение к аксиологии. Она возникла в рамках кантианской философской традиции. В 5-томной «Философской энциклопедии» статья «Аксиология» завершается следующим выводом: «В целом А. представляет собой совокупность идеалистических учений, направленных против исторического материализма, науч-

ной социологии, и является апологией идеологических «ценностей» капиталистического мира» (т. 1. М., 1960. С. 31). Когда увидела свет книга ленинградского философа В.П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры», у нас началась острая дискуссия по этим вопросам. Точка зрения, что аксиология несовместима с марксизмом опиралась на достаточно веские основания. С большим трудом В.П. Тугаринову удалось пробить эту стену, и аксиология легализовалась в нашей философии. Было признано, что аксиология, как философская наука о ценностях, имеет право на существование.

На этом ставлю точку. Желающих познакомиться с идеей разграничения интеллектуальной и духовной культуры отсылаю к моей статье в журнале «Вопросы философии», 2005, № 10.

Здесь же я хочу лишь сказать, что вынашиваемые мной идеи не случайны, возникли не сегодня, связаны с теми философскими обсуждениями и дискуссиями, которые проходили еще в советские времена.. Полагаю, что Л. Науменко, решив с налету разделаться со мной, пригвоздить к позорному столбу, в проблеме методологии структурного анализа «единого тела культуры» толком так и не разобрался.
